

УДК 930(01)
ББК 63

Ф.Н. АХМАДИЕВ

К ВОПРОСУ О «НАЧАЛАХ» ИСТОРИОГРАФИИ В РОССИЙСКОЙ НАУКЕ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Ключевые слова: историография, всеобщая история, университет, концепция, просветительство, формирование, диссертация.

Предложены результаты исследования проблемы значимости историографической составляющей в российской науке всеобщей истории в начале второй половины XIX в. Особое внимание уделено теме изучения российскими историками европейской науки всеобщей истории, которая оказала значительное влияние на становление российской науки всеобщей истории, начиная с университетских лекционных курсов Т.Н. Грановского и П.Н. Кудрявцева середины XIX – начала XX в. Особое внимание уделено первым историографическим работам Михаила Назаровича Петрова (его «Новейшей национальной историографии в Германии, Англии и Франции») и Владимира Ивановича Герье (его «Очерку развития исторической науки»), благодаря которым сама европейская историография всеобщей истории превратилась в исследовательское поле. Эти две работы, одна из которых опубликована в Харькове в 1861 г., а другая – в 1865 г. в Москве, положили «начала» историографии как таковой, т.е. историографии как самостоятельной научной дисциплины со своим предметом исследования, методами, методикой и пр. По сути, произошло переосмысление историографии как исторического явления, а следовательно, сформировалась необходимость обнаружить ту «точку», когда знание об истории науки приобрело свою внутреннюю логику и превратилось, таким образом, из историографического опыта в систематизированное знание. Суть этой «точки» (или момента) и заключается в том, что в историографии появилась система, или организованное знание (другими словами, концепция), которая превратила знание об истории науки в научную дисциплину. Остается открытым в значительной степени вопрос, когда и как это произошло? В любом случае М.Н. Петров и В.И. Герье были первыми отечественными историками науки, которые стремились превратить «начала» историографии в научную дисциплину. Открытым остается вопрос о приоритете первого российского историографа-профессионала. Высказывались мнения, что он принадлежит С.М. Соловьеву (точка зрения В.Е. Иллерицкого) либо М.О. Кояловичу. Это мнение было высказано Р.А. Киреевой.

В хронологии российской науки всеобщей истории особое значение имеет время со второй половины XIX в. до начала XX в. Особенность этого периода, на мой взгляд, заключается в постоянном обращении к европейской исторической литературе, её персоналиям, школам, направлениям и всему прочему, что в общем можно назвать «опытом» (в том числе, организации) европейской исторической науки. При этом обращение к европейскому «опыту» происходит в следующих контекстах. Первое. Когда европейская литература привлекается как некий «исторический инструмент» при изучении какой-либо большой исторической темы. Например, Н.И. Кареевым при написании им исследования по истории Великой Французской революции [7]. И второе, совершенно другой контекст, когда европейская историческая наука становится не ключевым «пособием» в ходе конкретно-исторических исследований отечественных авторов, а сама является объектом уже историографического исследования. Таким образом, историография начинает трактоваться как явление историческое, и появляется возможность обнаружить «тот момент, когда знание об истории приобретает свою логику и становится уже не просто опытом, а систематизированным знанием» [1. С. 15]. То есть, когда в историографии возникла

система или, другими словами, «организованное» знание (концепция), тогда историография стала научной дисциплиной.

Постановка такого рода историографической задачи мотивируется, на мой взгляд, следующими причинами. В середине XIX в. несомненным фактом было то, что опыт изучения всеобщей истории в Европе, главным образом в германских университетах, был гораздо богаче, нежели в университетах России. Об этом свидетельствуют и многолетние «профессорские» командировки российских историков-всеобщников в Европу, и собственные признания российских историков, и опыт организации университетских учебных курсов в 40–50-е гг. XIX в. (см. напр. Т.Н. Грановского [5], П.Н. Кудрявцева [9], насыщенных ссылками на исследования европейских медиевистов). Обращение к европейской историографии, таким образом, имело прикладной характер или, как об этом емко пишет Т.Н. Иванова, определялось «подвижническим стремлением ученого к распространению просвещения, и в частности, исторических знаний» [6. С. 181]. В своем исследовании автор названной книги поднимает принципиальные вопросы истории формирования российской науки всеобщей истории, в том числе российской историографии всеобщей истории, увязывая последнее с именем выдающегося российского ученого В.И. Герье, «уникальной личности..., являвшейся связующим звеном между его западноевропейскими учителями, русскими историками эпохи Грановского и поколением учеников Герье, с именами которых связан расцвет науки всеобщей истории в России» [6. С. 6].

В исследовании Т.Н. Ивановой интересной представляется постановка историографической «темы» в творчестве В.И. Герье. Обращает на себя внимание то, что автор исследования обнаруживает факт, что «в начале и конце библиографии ученого находятся две монографии, посвященные истории исторической мысли. Первая из них – «Очерк истории исторической науки» – появилась в 1865 г., в самом начале его творческого пути, вторая – «Философия истории от Августина до Гегеля» – в 1915 г., в конце его жизни» [6. С. 181]. И уточняется, что «последняя монография является переосмысленным расширенным вариантом первой» [6. С. 181]. Это важное заключение Т.Н. Ивановой, поскольку оно подсказывает еще один вариант начала развития российской историографической науки о всеобщей истории. Следует напомнить один примечательный факт из истории университетской жизни России, случившийся в 1865 г. В Совете Московского университета состоялась защита монографии на соискание ученой степени доктора всеобщей истории представителя Харьковского Императорского университета М.Н. Петрова. Название его диссертации «Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции». Официальным оппонентом выступил недавно вернувшийся из заграничной командировки В.И. Герье. Примечательно то, что в том же 1865 г. он опубликовал, ставший позднее известным свой «Очерк развития исторической науки».

Сравнение этих двух названных историографических работ (Михаила Назаровича Петрова и Владимира Ивановича Герье) дает очень интересный материал для размышлений. Поскольку краткий разбор этих двух работ мною уже сделан в статье, опубликованной во втором номере «Вестника Чувашского университета» за 2013 г. [2. С. 7–10], ограничусь только перечислением самого интересного, на мой взгляд, из выводов. Оба автора похоже трактуют процесс формирования исторической науки с позиции гегелевской феноменологии. Оба одинаково объясняют необходимость «знакомства с историей науки». Для обоих историографов важна и просветительская составляющая в их творчестве,

которую Т.Н. Иванова в своем исследовании о Герье определила как «подвижнические стремления ученого к распространению просвещения» [6. С. 181].

Уже называлось имя Михаила Назаровича Петрова, автора «Новейшей национальной историографии...», опубликованной Харьковским университетом в 1861 г. Эта работа, на мой взгляд, положила начало концептуальному изучению истории исторической науки как таковой и в этом смысле предшествовала историографическому исследованию И.О. Кояловича, названного Р.А. Киреевой первым в России крупным историографическим обзором [8. С. 46].

Исследование Р.А. Киреевой [8] о творчестве И.О. Кояловича [10] интересно с точки зрения того, что она первой обратила внимание на введение историком в научный оборот понятия историографический «обзор» [8. С. 41]. Аналогом такого рода «обзора» можно считать и открытую в 1866 г. в журнале «Вестник Европы» новую рубрику, которую редактор-издатель журнала М.М. Стасюлевич назвал «Литературной хроникой» [13. С. VI]. Задачу «литературной хроники» он сформулировал следующим образом: «служить постоянным органом для ознакомления тех, которые пожелали бы следить за успехами историко-политических наук, с каждым новым и важным явлением в их современной литературе» [13. С. VI]. В период с 1863 по 1865 г. он составил свой обзор истории изучения европейского средневековья. Он был назван автором «История средних веков в её писателях и исследованиях новейших ученых» [14]. Правда, обзор Стасюлевича трудно назвать историографическим исследованием, поскольку в нем отсутствует критическое или оценочное отношение к европейской историографии. Автор ограничивается краткими биографическими и библиографическими справками о европейских исследователях, делая акцент на обширном цитировании выдержек из их работ. Данную книгу М.М. Стасюлевича скорее можно определить как «книгу для чтения» по истории европейского средневековья.

Но интересен способ подачи автором историографического материала. Его можно назвать способом персонификации истории исторической науки Европы, т.е. эта история рассматривалась через биографии европейских исследователей и перечисление их работ. По сути, на историографию переносился тот метод «который был характерен для общеисторических трудов, где главное содержание сводилось к описанию деяний членов правящих династий и отдельных героев» [8. С. 84]. Наверное, составление такого рода «историографических» обзоров было неизбежным этапом в становлении историографии как самостоятельной научной дисциплины, поскольку в 60–70-е гг. XIX в. на «первичном» этапе своего развития находились и другие отрасли исторического знания (археология, этнография, статистика и др.). И только в начале XX в. появляются «концептуальные» обзоры, показывающие, что к этому времени российская историографическая наука превратилась в сложное и многогранное явление в общем контексте развития исторической науки в России. На это же время приходится и первые опыты университетского преподавания историографии как учебной дисциплины.

Эта эволюция российской историографии наглядна при рассмотрении двух обзоров, авторы которых выдающиеся отечественные антиковеды: Василий Иванович Модестов (1839–1907 гг.) и Владислав Петрович Бузескул (1858–1931 гг.). Первый из них – яркий представитель «культурно-исторического направления», второй закладывал основы «социально-политического направления» в отечественном антиковедении. В.И. Модестов – специалист в области

римской истории, В.П. Бузескул увлекался политической историей древнегреческого мира, главным образом Афин. Но оба историка испытывали явный интерес к историографической проблематике. Оба они одинаково понимали предмет историографии как историю исторической науки. Это очевидно при сравнении работы Модестова «Тацит и его сочинения. Историко-литературное исследование» [11] и очерка Бузескула о Перикле [3]. Такая же трактовка предмета исследования обнаруживается в их знаменитых «Введениях...», соответственно в римскую историю [12] и в историю Греции [4]. Оба автора уделяют особое внимание анализу исследовательских методов историков-антиковедов, увязывая их развитие с общим ходом движения исторической науки. Они оба «видят» тесную связь методик, методов и приемов исследования с расширением источниковой базы, формированием новой научной проблематики, спецификой развития различных «национальных историографий». Для того и другого «национальная историография» является базовой историографической категорией. Безусловно, есть и большие различия в их историографических оценках, которые являются производными от их принадлежности к различным направлениям в отечественном антиковедении.

Для Модестова особый интерес имеют закономерности развития самой исторической науки: интеграция исторической и филологической наук с вспомогательными историческими дисциплинами (археологией, статистикой и пр.), происходившая в конце XIX – начале XX в., развитие методик и методов исторического анализа, соотношение источниковедческого и теоретического начал в исследовании и др. [12].

То же самое можно найти и в историографической части «Введения...» Бузескула. Но его «историографическая концепция» шире, поскольку он придавал иногда решающее значение «внешнему фактору», в первую очередь, влиянию на развитие науки общественных и политических явлений. Так происходило при анализе им истории германского антиковедения, в которой он искал влияние на нее происходивших в немецких землях в XIX в. политических процессов [4].

Таким образом, можно сделать предварительный вывод, что в начале XX в. в российской науке всеобщей истории уже происходил процесс «выкристаллизации» историографии всеобщей истории как самостоятельной научной и учебной дисциплины.

Литература

1. Ахмадиев Ф.Н., Георгиев П.В. Афинская демократия и европейские революции: политические идеи в русской историографии всеобщей истории второй половины XIX – начала XX вв. Казань: Яз, 2016. 108 с.
2. Ахмадиев Ф.Н. К началу историографии как научной дисциплины // Вестник Чувашского университета. 2013. № 2. С. 7–10.
3. Бузескул В.П. Перикл. Историко-критический этюд. Харьков, 1889. 218 с.
4. Бузескул В.П. Введение в историю Греции. Харьков, 1903. 348 с.
5. Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья. М.: Наука, 1987. 428 с.
6. Иванова Т.Н. Научное наследие В.И. Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XIX – начало XX века). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2010. 382 с.
7. Кареев Н.И. Историк Французской революции. Т. 2. Французские историки второй половины XIX века и начала XX в. Л., 1924. С. 69–111.
8. Киреева Р.А. Изучение отечественной историографии в России с середины XIX века до 1917 г. М., 1983. 186 с.
9. Кудрявцев П.Н. Лекции. Сочинения. Избранное. М.: Наука, 1994. 343 с.
10. Коялович И.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб., 1901. 218 с.

11. Модестов В.И. Тацит и его сочинения. Историко-литературное исследование. СПб., 1864. 206 с.
12. Модестов В.И. Введение в римскую историю: вопросы доисторической этнологии и культурных влияний в доримскую эпоху в Италии и начало Рима. СПб., 1902. Ч. 1. 326 с.
13. От редакции // Вестник Европы. СПб., 1866. Т. 1. С. IV.
14. Стасюлевич М.М. История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. СПб., 1863–1865. Т. 1. 231 с.

АХМАДИЕВ ФАРИТ НАФИСОВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории, Институт международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань (ahmadiev101@mail.ru).

Farit N. AHMADIEV

**ON THE QUESTION OF THE “BEGINNINGS” OF HISTORIOGRAPHY
IN THE RUSSIAN SCIENCE OF UNIVERSAL HISTORY**

Key words: *historiography, universal history, university, concept, education, formation, dissertation.*

The paper presents the results of the study on the importance of the historiographical component in the Russian science of universal history at the beginning of the second half of the XIX century. Special attention is paid to the study by Russian historians of the European science of universal history, which had a significant impact on the formation of the Russian science of universal history, starting with the university lecture courses by T.N. Granovsky and P.N. Kudryavtsev in the middle of the XIX – the beginning of the XX century. Special attention is paid to the first historiographical works by Mikhail Nazarovich Petrov (“The Latest National Historiography in Germany, England and France”) and Vladimir Ivanovich Guerrier (“Essay on the Development of Historical Science”), due to whom the European historiography of universal history turned into a research field. These two works, one of which was published in Kharkov in 1861, and the other – in 1865 in Moscow, laid the “beginnings” of historiography per se, i.e. historiography as an independent scientific discipline with its own research subject, methods, methodology, etc. In fact, there was rethinking of historiography as a historical phenomenon, and consequently, there was a need to find the “point” where knowledge about the history of science acquired its internal logic and thus turned from historiographical experience into systematized knowledge. The essence of this “point” (or moment) is that a system or organized knowledge (in other words, a concept) appeared in historiography, which turned knowledge about the history of science into a scientific discipline. The questions when and how this happened remain open. In any case, M.N. Petrov and V.I. Guerrier were the first Russian historians who sought to turn the “beginnings” of historiography into a scientific discipline. The question of the priority of the first Russian professional historiographer is still unresolved. V.E. Illeritsky expressed an opinion that it belongs to S.M. Solovyov, according to R.A. Kireeva – to M.O. Koyalovich.

References

1. Akhmediyev F.N., Georgiyev P.V. *Afinskaya demokratiya i evropeyskiye revolyutsii: politicheskiye idei v russkoy istoriografii vseobshchey istorii vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv.* [Athenian democracy and European Revolutions: political ideas in Russian Historiography of World History in the second half of the 19th and early 20th centuries]. Kazan, YAz Publ., 2016, 108 p.
2. Akhmediyev F.N. *K nachalu istoriografii kak nauchnoy distsipliny* [To the beginning of historiography as a scientific discipline]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2013, no. 2, pp. 7–10.
3. Buzescul V.P. *Perikl. Istoriko-kriticheskiy etyud* [Pericles. Historical-critical study]. Kharkov, 1889, 218 p.
4. Buzeskul V.P. *Vvedeniye v istoriyu Gretsii* [Introduction to the History of Greece]. Kharkov, 1903, 348 p.
5. Granovskiy T.N. *Leksii po istorii srednevekoviya* [Lectures on the History of the Middle Ages]. Moscow, Nauka Publ., 1987, 428 p.
6. Ivanova T.N. *Nauchnoye naslediyе V.I. Ger’ye i formirovaniye nauki vseobshchey istorii v Rossii (30-ye gg. XIX – nachalo XX veka)* [Scientific heritage of V.I. Guerrier and the formation of the science of World History in Russia (1830s – early 20th century)]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 2010, 382 p.
7. Kareyev N.I. *Istoriki Frantsuzskoy revolyutsii. T. 2. Frantsuzskiyе istoriki vtoroy poloviny XIX veka i nachala XX v.* [Historians of the French Revolution. Vol. 2: French historians of the second half of the 19th century and the beginning of the 20th century]. Leningrad, 1924, pp. 69–111.

8. Kireyeva R.A. *Izucheniye otechestvennoy istoriografii v Rossii s serediny XIX veka do 1917 g.* [The study of Russian historiography in Russia from the middle of the 19th century to 1917]. Moscow, 1983, 186 p.
9. Kudryavtsev P.N. *Lektsii. Sochineniya. Izbrannoye* [Lectures. Works. Selected]. Moscow, Nauka Publ., 1994, 343 p.
10. Koyalovich I.O. *Istoriya russkogo samosoznaniya po istoricheskim pamyatnikam i nauchnym sochineniyam* [The history of Russian self-consciousness according to historical monuments and scientific writings]. St. Petersburg, 1901, 218 p.
11. Modestov V.I. *Tatsit i yego sochineniya. Istoriko-literaturnoye issledovaniye* [Tacitus and his writings. Historical and literary research]. St. Petersburg, 1864, 206 p.
12. Modestov V.I. *Vvedeniye v rimskuyu istoriyu: voprosy doistoricheskoy etnologii i kul'turnykh vliyaniy v dorimskuyu epokhu v Italii i nachalo Rima* [An Introduction to Roman History: Issues in Prehistoric Ethnology and cultural influences in pre-Roman Italy and the beginnings of Rome]. St. Petersburg, 1902, part 1, 326 p.
13. *Ot redaktsii* [From the editors]. In: *Vestnik Yevropy* [Bulletin of Europe]. St. Petersburg, 1866, vol. 1, p. IV.
14. Stasyulevich M.M. *Istoriya srednikh vekov v yeye pisatelyakh i issledovaniyakh noveyshikh uchenykh* [History of the Middle Ages in its writers and research by the scholars]. St. Petersburg, 1863–1865, vol. 1, 231 p.

FARIT N. AHMADIEV – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Archaeology and World History, Institute of International Relations, Kazan (Volga Region) Federal University, Russia, Kazan (ahmadiev101@mail.ru).

Формат цитирования: Ахмадиев Ф.Н. К вопросу о «началах» историографии в российской науке всеобщей истории // Вестник Чувашского университета. – 2022. – № 2. – С. 15–20. DOI: 10.47026/1810-1909-2022-2-15-20.